

УДК 94(47).04

ПРАВИЛА ПОЖАЛОВАНИЯ ПОМЕСТНЫМИ ОКЛАДАМИ И ГОДОВЫМ ДЕНЕЖНЫМ ЖАЛОВАНИЕМ ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI–XVII вв.

© 2013 г.

А.В. Беляков

Рязанский филиал Московского психолого-социального университета

feb@ru.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Предпринята попытка реконструировать правила, по которым татарские цари и царевичи, проживавшие в России в XV–XVI вв., жаловались поместными окладами и годовым денежным жалованием. Показана преемственность в правилах пожалований представителей «золотого рода» поместным и денежным жалованием, а также зависимости таких форм содержания Чингисидов, как выход, а возможно, и доходы с городов, от реальных поместных пожалований, с одной стороны, и годового денежного жалования и поместного оклада – с другой.

Ключевые слова: Чингисиды, Русское государство XVI–XVII веков, поместные оклады, годовое денежное жалование, формы материального содержания иноземцев.

Следует признать, что нам практически ничего не известно о формах материального содержания служилых Чингисидов раннего периода возникновения данного явления в России (вторая половина XV–XVI в.). Однако наши знания по этой проблеме, относящиеся к рубежу XVI–XVII вв., позволяют предпринять попытку реконструировать их эволюцию. На настоящий момент нам известны следующие формы содержания татарских царей и царевичей: 1) города в «кормлении», правильнее сказать, доходы с городов; 2) поместья; 3) поденный корм; 4) денежное жалование; 5) часть «татарского выхода»; 6) разовые денежные дачи за участие в военных действиях; 7) вотчины; 8) ясаки с подведомственного населения; 9) натуральные дачи. На практике, как правило, применялась смешанная форма содержания. Нам в первую очередь интересуют реальные земельные пожалования, выход, а также годовое денежное жалование и поместные оклады [1, с. 307–328, 339–342]. Данные формы содержания оказались неразрывно связанными между собой.

Когда в Московскую Русь стали на постоянное место жительства переселяться (вывозиться) татарские цари и царевичи, то встал вопрос о поиске форм их материального содержания. В Москве не стали изобретать чего-то нового и использовали многократно проверенную как в России, так и в других государствах модель передачи знатным выходцам доходов с тех или иных территорий. Так, еще в 1380 г. литовский князь Дмитрий Ольгердович

Брянский и Трубческий получил в держание («кормление») Переславль [2, стб. 138]. В 1408 г. литовскому князю Свидригайлу дали Владимир, Переяславль-Залесский, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны [2, стб. 182]. Размеры пожалований зависели в первую очередь от статуса выезжавшего лица, а также от численности сопровождавшего его военного отряда. Пожалование городом (уездом) подразумевало право сбора с данной территории различных пошлин, которые до этого шли великому князю. Помимо этого передавались права на отдельные волости. В данном случае нас интересует правило, по которому выбиралась та или иная территория, в первую очередь по ее размеру.

Что касается абсолютных размеров земельных владений Чингисидов, то у нас более чем ограниченные данные. Они касаются почти исключительно XVII в. Приведем все имеющиеся в нашем распоряжении сведения только о крупных пожалованиях. В середине XVI в. астраханскому царевичу Ибаку б. Ак-Кобеку в Сурожской волости Московского уезда принадлежала 2201 четь земли в одном поле [3, с. 116–118]. Касимовскому царю Арслану б. Али принадлежало 3364 чети пахотной земли в Касимовском и Елатомском уездах. До пожалования царем (1614 г.) у него, судя по всему, было 1328 четей земли здесь же, а до этого 1147 четей в Новом стане Устюжны Железнопольской [4, с. 206; 5]. Позднее мещерские земли унаследует его сын, касимовский царевич Сеид-Бурхан б. Арслан (Василий Арасланович). За счет новой распах-

ки в 1627 г. уже насчитывалось 3795 четей пашни. После Василия поместья достались двум его сыновьям, Семену и Ивану [6; 7]. За сибирским царем Али б. Кучумом с сыновьями Хансюером и Яншиком (Канчувар?) первоначально отмечено 2300 чети в Шелшенамской волости Пешехонского уезда. Однако 11 июня 1613 г. взамен отобранных во Дворец земель им пожаловали в поместье в Вологодском уезде село Никольское Старое с деревнями «на 1050 чети». Хотя ниже отмечается, что ему досталось село Никольское Старое на р. Кубенице и 17 деревень. В них 93 двора, 93 человека. Пашни паханой – 176 четей, перелога – 12 четей, лесом поросли – 250 четей. Всего земли – 438 четей [8, л. 567–571 об.]. Однако в 1613/14 г. ему пожаловали дополнительно (или же вместо) в Ростовском уезде в Верхнеусецком стане село Васильево и деревни в 1342 чети [9, л. 252–254; 10, с. 679–683]. Сибирскому царевичу Василию Ишимовичу (Аблай б. Ишим) в Ростовском уезде принадлежало село Семеновское с деревнями (1342 чети). Помимо этого за ним было небольшое поместье в Московском уезде [11; 12; 13, л. 3]. Сибирскому царевичу Василию Алексеевичу к 1718 г. в разных уездах принадлежало 1629 четвертей земли [1, с. 328]. Шарманшанскому царевичу Шейх-Мухаммеду (Шихим) б. Мухамеду в начале XVII в. в Кацком стане Угличского уезда принадлежало крупное поместье – село Тишаево с деревнями и пустощами (речь, скорее всего вновь идет о бывшей дворцовой волости) [14, л. 1–2; 15]. Данный документ интересен еще и тем, что указывает на причины сокращения поместий чингисида в сентябре 1612 г.: «А Шихим, деи, земские службы не служит. А был, деи, он все в литовских полках, с своими тотары». В последнее время было высказано мнение, что данный царевич не относится к Чингисидам [16, с. 21–22]. Однако в данном случае мы посчитали возможным привести здесь сведения и о его землевладении.

Таким образом, мы видим, что реальное землевладение представителей «золотого рода» колебалось от 1200 до 2300 четей в одном поле. Хотя в ряде случаев, когда чингисид обладал особым статусом (Шах-Али б. Шейх-Аулеар [17], Симеон Бекбулатович [18, с. 311–493] и, возможно, некоторые иные), оно могло быть больше. Оклад касимовских царей и царевичей XVII в. выбивается из данной практики только на первый взгляд. Дело в том, что здесь учитываются как поместья собственно чингисида, так и земли, даваемые членам его двора. Поместья в Елатомском уезде шли на раздачу членам двора

касимовского царя (царевича), поместья в Касимовском уезде принадлежали только чингисиду. Однако в какой-то момент, скорее всего, после крещения касимовского царевича Сеид-Бурхана, и елатомские, и касимовские поместья отошли касимовскому чингисиду. Но в середине – второй половине XVII в. прежним правилам постепенно перестали следовать. К тому же данное исключение могло быть наградой царевичу за принятие православия [19]. Такую же практику разделения поместий между знатными выходцами и рядовыми членами их дворов мы видим у романовских мирз второй половины XVI – начала XVII в. Жалованная кормленая грамота отдельно отмечает землевладение трех мирз (Юсуповы и Кутумовы) и 225 казаков их двора. Здесь, правда, мирзы не смогли захватить земли своих казаков [20, с. 298–299; 21]. Это наблюдение позволяет предположить, что подобная практика «двойного» испомещения существовала и в более ранний период.

Следует отметить, что все пожалования осуществлялись из дворцового земельного фонда. При этом всегда или почти всегда подбирали целую волость необходимого размера. В этом случае не требовалось заново создавать систему управления данной территорией. При необходимости московский государь мог поменять пожалованные земли на иные. Если чингисид «жаловался» тем или иным городом, то поместья давались в одноименном уезде. Известны примеры, когда в одном уезде жаловались волости сразу нескольким представителям «золотого рода». Так, в Койском стане Угличского уезда находилось поместье Ураз-Мухаммеда б. Ондана, а в Кацком стане были испомещены Шейх-Мухеммед б. Мухаммед и знатный крымский выходец Пашай мирза Дербышев сын князь Кулюков (Куликов), женатый на одной из дочерей астраханского царевича Абдулы б. Ак-Кобека [1, с. 99, 324; 15].

Практика верстания служилых Чингисидов поместным окладом и годовым денежным жалованием впервые зафиксирована в конце XVI в. Судя по всему, она появилась в царствование Федора Ивановича или, быть может, в самом конце правления Ивана Грозного. Оклады колебались от 1000 до 2000 четей и от 90 до 200 рублей. Зафиксировано только одно исключение. В 1616 г. после принятия православия астраханскому царевичу Михаилу Кайбулину (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али) назначили годовой оклад в 250 рублей. Следует отметить, что имеется и обратный пример. После крещения сибирского царевича Калинника Джансюерева в 1633 г. ему назначили новичный оклад в

600 четей и 40 рублей [1, с. 339–342]. Тем самым татарских царей и царевичей выделили из общей служилой массы. К примеру, максимальный поместный оклад у московских чинов по указу 1619 г. был установлен в 1000 четей. Следует подчеркнуть, что верстание поместным окладом и годовым денежным жалованием не проходило автоматически. Для этого требовалось специальное челобитье. К тому же по непонятным на настоящий момент причинам поместный оклад был не положен касимовским царям и царевичам. Размеры пожалования конкретного чингисида зависели от нескольких факторов: наличие царского титула, заинтересованность Москвы в конкретном человеке, порядок выезда в Россию, а также простое старшинство в роде. Одним из определяющих критериев также было происхождение от той или иной ветви «золотого рода». В России не было понимания принципиального равенства Чингисидов в праве на престол на просторах Дешт-и-Кипчака, здесь стремились построить некую иерархию родов, очень похожую на ту, что существовала у Рюриковичей. А в середине XVI в. она даже была зафиксирована в Государеве родословце. Первое место безоговорочно было отдано большеордынским (астраханским) царям и царевичам, далее следовали крымские и казанские [22, с. 26–27; 23, с. 22–23].

Мы вправе предположить, что когда на рубеже XVI–XVII вв. возникла идея верстания Чингисидов поместными окладами, для установления их возможных размеров в центральных приказах создали справочные выписи, в которых были указаны реальные размеры землевладения татарских царей и царевичей в предшествующую эпоху. Таким образом, размеры поместных окладов должны были указывать на объемы реального землевладения. При этом на практике поместья чаще всего были на несколько сот десятин больше, нежели указывалось в окладе [1, с. 307–338, 339–342].

В таком случае можно допустить, что размеры годового денежного жалования также были приравнены к какой-либо форме материального содержания Чингисидов в России. На эту роль лучше всего подходит выход второй половины XV–первой половины XVI вв. Если это так, то мы можем с определенной долей вероятности реконструировать размеры той части выхода, которую мог получать тот или иной царь или царевич в конце XV–XVI вв. Здесь, однако, вновь следует обратиться к романовской практике. Мирзы также получали годовое денежное жалование. При этом особо отмечалось, что получали они его из городских романовских до-

ходов [20, с. 298–299; 21]. Это, правда, не извещало посад давать им корм («запасы»), однако, по-видимому, только на срок несения ими конкретной военной службы [24, № 121, с. 198.].

Здесь следует особо остановиться не термине «выход». В литературе уже отмечалось несоответствие ордынского выхода и выходов конца XV – начала XVI в. Так, А.Л. Хорошкевич объясняет сохранение данного термина консервативностью мышления средневекового человека. По ее мнению, в термине «выход» наиболее емко выражалась необходимость отчисления в пользу Орды ежегодной определенной суммы. Консервативность мышления, преданность старой терминологии заставила объединить прежним словом «выход» все основные расходы, связанные с Ордами [25, с. 225–239]. Здесь мы можем только добавить: и отдельными Чингисидами, проживавшим в России. При этом следует отметить, что годовое денежное жалование полагалось только тем, кто не получал доходы с городов. Здесь мы вновь должны обратиться к практике содержания романовских татар. С одной стороны, мы можем говорить о том, что романовские татары занимали некое среднее положение между пожалованными доходами с городов и получавшими годовое денежное жалование. Но, с другой, в нашем распоряжении имеются сведения только о повинностях посада города Касимова XVII в. Таким образом, нельзя исключать возможный факт строго регламентированных выплат с посадов иных городов, «жалованных» Чингисидам. В таком случае мы можем говорить о частичном слиянии выхода и доходов с тех или иных городов.

Во всяком случае, нам удалось показать определенную преемственность в правилах пожалований представителей «золотого рода» поместным и денежным жалованием, а также зависимости таких форм содержания Чингисидов в России, как выход, а возможно, и доходы с городов от реальных поместных пожалований, с одной стороны, и годового денежного жалования и поместного оклада – с другой.

Список литературы

1. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
2. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. М.
3. Писцовые книги XVI в. СПб., 1872. Отд. 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской.
4. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) М., 1994.

5. Пугач И.В. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железнопольской 1626 г. // Устюжна: ист.-лит. альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/13.htm>
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. II.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Т. III.
8. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. № 62.
9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1551.
10. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 гг. М., 2012.
11. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1649 г. Д. 3.
12. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1695 г. Д. 1.
13. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 4391.
14. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 5.
15. Кацкая летопись. 2006. № 3 (138). С. 39–40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kl-21.narod.ru/sto/138/KL_138_01.htm
16. Зайцев И.В. Потомки Чингисхана в Москве и в Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 21–26.
17. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Т. I.
18. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.
19. Беляков А.В. Крещение Чингисидов // Российская история. 2011. № 1. С. 107–115.
20. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. I. № 307.
21. Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 197–202.
22. Моисеев М.В. Окружение Чингисидов в России: Двор в изгнании / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 26–30.
23. Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
24. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1911. Кн. 4.
25. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Едиториал УРСС, 2001. 336 с.

RULES OF ENDOWING GENGHIS KHAN'S DESCENDANTS WITH MANORIAL SALARY AND ANNUA IN THE 16TH-17TH CENTURY RUSSIA

A.V. Belyakov

The author attempts to reconstruct the rules of endowing Tatar tsars and tsareviches living in Russia in the 16th-17th centuries with manorial salary and annua. The article covers the succession among the granting rules for the “golden family” regarding manorial and moneyed salary as well as leave benefit and, possibly, incomes from towns on the one side, annua and local salaries on the other.

Keywords: Genghis Khan's descendants, Russian state in the 16th-17th centuries, manorial salary, annua, allowance forms for outlanders.